

Магжан
ЖУМАБАЕВ

Стихи

К 100-летию поэта

Магжан
ЖУМАБАЕВ

Стихи

АЛМАТЫ
«ЖАЗУШЫ»
1993

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Слышишь, судьба, не хочу подаваний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
В огненном вихре сжигая дотла.
Пусть этот вихрь мое тело корежит,
Испепелит, до золы уничтожит —
Так, чтоб из глаз моих соль потекла!

Волю мою ты повяжешь тюрьмою —
Я свое горе слезами омою.
Будешь пытать ты разлукой меня —
Рваться сквозь стены к возлюбленной стану
Да под недреманным оком охраны
Губы кусать, безысходность кляня.

И вот когда возрастут до предела
Муки души и страдания тела,
Чтобы уж знать — не бывает больней,
Мысль о свободе спасением станет.
Чем недоступней она, тем желанней,
Тем иступленнее песни о ней.

Пусть же окрепнет рожденный в неволе
Голос мой, полный печали и боли,
Пусть долетит он до Сарыарки
И устремится к единственной цели —
К душам сородичей. Да неужели
Он не пронзит вас, мои земляки?!

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
Жги на огне, в три погибели гни!
Если народ разбужу я стихами,
Горе отступит, и жаркое пламя
Высушит слезы — к чему мне они?!

Перевод *Л. Степановой*

ТЕНГРИ

О Тенгри великий, всеильный, мы ждем
твоей справедливости. Держится дом
на вере, что слуг властелин не обидит.
Поводья судьбы мы тебе отдаем.

Аллах — это имя у нас на губах,
Аллах нам сопутствует в наших делах.
Мы слуги твои, мы — покорные дети,
веди нас и властвуй над нами, Аллах!

И если в речах моих правда скудна,
прости мне, великий, но где же она?
От веку живем без твоей благодати,
потомки Алашей — в чем наша вина?

Не светит надежда, не греет приют,
вода не течет, и цветы не растут
для ангелов падших, отверженных раем,
в котором другие народы живут.

Ты счастья не дал, отказал в красоте,
голодная степь нам и стол, и постель.
Неужто мы — пища для бешеной своры,
грызущейся в кровь из-за наших костей?!

Неужто ты мстишь недостойным рабам?!
Для прочих — пророком открыта тропа.
А нам — ни пророка, ни вещего слова.
Видать, у Алашей другая судьба.

О Тенгри, ты видишь, как скудно живет
мой гордый, униженный, бедный народ.
Даруй нам посланца любого, хотя бы
араба, что наров облезлых пасет.

Не гневайся, мудрый, на эти слова,
довольно уже мой народ бедовал.
Под горькою палкой жестокого рока,
о Тенгри, мой голос вознегодовал!

Перевод *А. Ширяева*

Я СПЕШУ

Мне степь даровала прозвание орла,
Алтай и Урал — два могучих крыла
моих. Я — любимец степного приволья,
я вырос батыром без страха и зла.

Мой предок — гигант, коли хочешь узнать.
Мудрейшей из мудрых была моя мать.
Я — тигр молодой, я — летящее пламя.
Эй, псы! Кто сумеет меня удержать?!

Коня оседлаю и знамя взметну,
в бою окровавленной саблей сверкну.
Пусть в мире прославится сила волчонка,
который забавою видит войну.

Дух прадеда я оживлю на века,
ты будешь свободною, Сарыарка.
Счастливыми вырастут, власть простирая
над степью, потомки твои, великан.

Молись за меня, мой Алтай — моя мать,
твой мальчик путь предка решился избрать.
И милостив Тенгри!— спешу, торжествуя,
волос твоих белых вдохнуть аромат.

Перевод *А. Ширяева*

ПОВСЮДУ...

Повсюду по имени знают меня.
Орлу ли бояться воды и огня,
чья лапы от крови чужой заскорузлы,
который не праздновал труса ни дня.

В прыжке я взшел на высокий Алтай,
стрелу из степи посылал я в Китай.
Ни разу во мне ты не дрогнуло, сердце,
неужто изменишь теперь невзначай?!

Я — крепости приступом бравший герой,
считавший со львом поединок — игрой...
Коль вдруг испугаюсь озлобленной шавки,—
сырая земля, от позора укрой!..

Перевод *А. Казанцева*

ТЕМНАЯ БУРЕВАЯ НОЧЬ

Ночь буревая, ветра мытарство,
смерти холодное, мрачное царство.
С робкой надеждой свечу я зажег:
«Будет, не будет гореть огонек?»

Черные тучи ползут отовсюду,
только душа моя светлое чудо
благословляет и благодарит:
свечка мерцает, не гаснет, горит!

И не беда, если свет этот многим
скудным покажется или убогим,—
он позолочен и посеребрен,
Солнце с Луною вобрал в себя он.

Те гордецы, что надменно-спесивы,
пусть на свечу ухмыляются криво,
пусть отвернутся — не жаль их ничуть,
разве для них зажигал я свечу?!

Перевод *Л. Степановой*

ЭЙ, САРСЕМБАЙ!..

Эй, Сарсембай, коня поторопи!
Без этой вот предзаревой степи
с мое прожить — попробуй.
Чу! Чу! Ну, что ж ты, подстегни коня!..
Я в городе не прожил бы и дня,
когда бы не учеба.

Ты на него, оборотась, взгляни:
горе подобный, чудищу сродни,
лежит он в шуме, в гаме.

Ночь и туман колышутся над ним,
дыхание его — огонь и дым,
в глазах не меркнет пламя.

Громкоголосый, что ни слово — яд.
А воздух?! Как вдыхал я этот смрад?!
Не задохнулся — выжил!
Да не смотри ты! Что смотреть туда!
Когда ж аул покажется, когда?
Эй, Сарсембай, гони же!

У женщин на уме один лишь блуд.
Потягиваньем в сети завлекут,
повиливаньем зада.
Ну, а мужчины — жизни нет ни в ком,
как будто в этот город прямоком
пришли они из ада.

И не горит огонь в душе у них,
лишь об еде заботы все, — иных
желаний нет в обжорах.
Исчадья ада, дети тьмы ночной,
они не знают радости иной,
чем жить в вонючих норах.

Для них, слепцов, и небеса пусты,
а нам мигают звезды с высоты,
луна свой лик не прячет.
Как в городе мечталось о степи!
Лошадку, Сарсембай, поторопи!
Да не жалей ты клячи!!!

Иль сон сморил тебя? Проснись, встряхнись!
Спой от души. Рванется песня ввысь,
услышат звезды пенье...
Гони, спеши! Ведь там аул, родня...

Не то, ей-богу, сердце у меня
сгорит от нетерпенья!

Когда к груди прижму степной простор,
волной озерной утолю свой взор,
тогда душой воспряну.
В Сарыарке ветра — шелков нежней,
я их люблю и до скончанья дней
любить не перестану.

Да не молчи же ты, в конце концов!
Ужель не видишь, что земля отцов
все ближе к нам, все ближе!
Все дальше город... Не гляди туда!
Когда ж аул покажется, когда?
Ну, Сарсембай, ну, милый мой, гони же!

Перевод Л. Степановой

МОТЫЛЕК

Спешит на пламя мотылек,
вершит безумный свой полет.
Ему, бедняге, невдомек,
что пламя крылья обожжет.

И так порхать ему, пока
не упадет в огонь, глупец.
Подхватит пламя мотылька
и, вспыхнув, стихнет наконец.

Зачем, скажи мне, сверстник мой,
живя без цели, наугад,
на блеск обманно-золотой
с надеждой устремляем взгляд?

Как мотыльки, сгорим дотла
мы в этой бездне огневой,
где вместо золота — зола,
зола и саван гробовой.

Перевод Л. Степановой

И МЕНЯ ТЫ, СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ...

Изнемог я, иссякли силы.
День промозглый, и ветер сирий
причитает, плачет навзрыд.
Я ловлю туманные речи:
где-то там, далеко-далече,
кто-то умер и в землю зарыт.
Слышишь, ветер, уйми волненье —
смерть несет нам успокоенье...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Ты приди и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

В кружевах листвы шелестящей
на опушку шагнув из чащи,
засмотрелась березка в даль.
И откуда только, откуда
к ней, танцующей, светлокудрой,
вдруг подкралась тоска-печаль?!
В травы рухнула головою,
плачет ветер над ней, неживою...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ней и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

С гордым кличем, под стягом пестрым,
с окровавленной саблей острой
он врагов разил на скаку.

Как копьем, их взглядом пронзал он,—
этот юный джигит немало
погулял на своем веку.
И лежит теперь успокоен.
Буйным ветром оплакан вочн...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Злым недугом вконец измучен,
путник шел по пескам зыбучим
и мечтал он в глухой ночи,
чтоб заря пришла поскорее,
чтоб спасли его и согрели
солнца утреннего лучи.
Вот и встал рассвет над барханом,
только путник лежит — бездыханным...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Словно яблоки — щеки девы,
слаще меда ее напевы,
по плечам — водопад волос,
смех — рассыпанный жемчуг скатный,
как бутон — уста ароматны,
лишь глаза — как озера слез.
Та, что вешней сияла зорькой,
захлебнулась печалью горькой...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ней и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Ангел чистый, младенец милый,
нежноликий и светлокрылый,
как родник, его смех звенел.

Ягодинка на ветке тонкой...
Чей же глаз на того ребенка
по-недоброму посмотрел?
Мой ягненок уснул навеки,
легкий ветер целует веки...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Под волною жемчужнопенной
есть аул необыкновенный —
шестьдесят белокрылых юрт.
По красавице в юрте каждой.
В том ауле они однажды
свой последний нашли приют.
Словно водоросли их косы,
все наги, волнистоволосы...
Сердцем пью сладчайшую муку.
С ними вместе меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Не вкусивший любовной муки,
к морю юноша тянет руки,
в юрты белые входит он,
чтоб остаться в пучине водной,
обнимая поочередно
всех зеленоволосых жен.
О погибшей душе тоскуя,
вздыбил ветер волну морскую...
Сердцем пью сладчайшую муку.
Вместе с ним и меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Знать, и мне подоспело время
в путь последний уйти со всеми.
Крепко юношу обниму,

постою над мертвой березой,
и красавице вытру слезы,
над пустыней развею тьму.
Исстрадалась душа от боли,
хоть и молод — пожил довольно...
Сердцем пью сладчайшую муку.
И прошу: меня убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Посади к себе на колени,
влей мне в душу успокоенье,
и не медли, поторопись!
Обескрылело сердце-птица,
не поется ему, не летится,
не зовет его больше высь.
Посади к себе на колени,
влей мне в душу успокоенье!..
Всю до капли я выпью муку.
Ты приди ко мне, убаюкай,
убаюкай, смерть, убаюкай!

Перевод Л. Степановой

* * *

Узник, повязан жестокой тюрьмою,
я оглушен непроглядною тьмою.
Свет мой, любимая, где она, где?
Мысленно к ней устремляюсь душою.

Думает ли обо мне дни и ночи,
сердце изранив, повыплакав очи?!
Косы распустит — и ночь напролет
молит: «Да станет разлука короче»?

Или по-прежнему день ее красен,
смех ее весел, взгляд ее ясен?

Может, меня вспоминает от скуки?
Может, мой плач по любимой напрасен?

Слезы безмолвные я проливаю,
в полдень горю и ночами сгораю.
Любит, не любит?— какое мне дело!
Тысячекратно ее выбираю!

Мне не осилить суровой науки
ранних утрат, неизбежной разлуки.
Господи, дай мне забыться, заснуть —
и голову упасть в ее руки.

Перевод *К. Бакбергенова*

ГУЛЬСУМ-ХАНУМ

Глаза верблюжонка, волшебные речи — Гульсум!
Нечаянной радостью путь мой отмечен, Гульсум!
Но кто мне ответит, зачем вдруг при встрече с тобой,
в смущенье приходит душа и уходит покой?!

Глаза верблюжонка, волшебные речи — Гульсум!
Улыбкою солнце затмила навечно Гульсум!
Сама словно солнце, что в небе беспечно плывет,—
откуда ей знать, что, влюбляя в себя, обожжет?!

Перевод *К. Бакбергенова*

ЛУЧ

Измучены в разлуке,
дождались встречи все же:
хмельным-хмельны их руки,
пьяны их души тоже.

Глаза полны сиянья,
в них жар неугасимый,
бессвязны восклицанья:
Любимая!.. Любимый!..

Уста к устам припали,
тела дрожат от страсти,
забылись все печали,
забылись все напасти.

Тесней, тесней обняться,
сердца сомкнулись чтобы!
Вот-вот воспламятся!..
Но вдруг... проснулись оба.

Проснулись — нету сказки.
Вот сон — обману учит!
Приснились нега, ласки,
а то ласкает лучик.

Красавица зевнула:
«Ах, луч! Нарушил сон мой!..»
Но скоро вновь уснула
под сенью невесомой.

Вздыхнул с чуть слышным всхлипом,
в тюрьме проснувшись, парень...
Утешен сном счастливым,
лучу он благодарен..

Перевод *А. Казанцева*

ЖЕНЩИНА

Когда на землю изгнан был Адам,
сказал Господь: «Я за грехи воздам!»

И человек был выслан им из рая.
«Ступай,— сказал Господь,— живи один,
будь сам своим поступкам господин,
на самого себя лишь уповая».

Темно и глухо было на земле,
тонули горы в непроглядной мгле
без солнца незакатного и света.
Могильным холодом несло с реки,
за каждой веткой чудились враги,
и зов Адама глохнул без ответа.

И понял он, что будущего нет,
что навсегда утрачен Божий свет,
что в настоящем — лишь несчастья лики...

И, осознав, что немощен и наг,
лишенный Божьего тепла и благ,
он возопил: «Прости меня, великий!»

Так горько он томился и стонал,
стонал, не зная отдыха и сна,
унять не в силах горькие рыдания,
что вял его страданиям Творец
и, гнев сменив на милость наконец,
раскрыл Адаму двери воздаянья:

Из шелковистых райских ветерков
и нежности невянущих цветов,
дарящих вечное благоуханье,
из ключевой серебряной воды,
любовно напоившей те цветы,
с ее неумолкающим журчаньем,

из дивной музыки небесных сфер,—
прообразом всех гармоничных мер,—
румянцем солнечным окрасив щеки,
сиянья своего не пожалев,
создал Творец вернейшую из дев
для радости Адама днем и ночью.

Вдохнул он душу чуткую в нее,
чтобы не только мужа бытие
она своей любовью украшала,
но чтоб была ему поводырем,
ведя прямым и праведным путем,
была надежным в море бурь причалом...

Сказал Творец: «Не жалуйся теперь —
я распахнул тебе надежды дверь
и снова обретешь ты кущи рая,
коль будешь чист душой и верен ей,
своей жене, то до скончания дней
ты счастлив будешь, даже умирая...»

Прошли года: ушли печаль и страх,
забыл Адам, как он просил в слезах
участия и помощи Господней.
Стал человек и мелочен, и лжив,
обещанное Богу позабыв,
сталь жить, как обитатель преисподней:

Ту, что была проводником души,
своим явленьем украшала жизнь,
он уподобил некоей скотине:
ту, что сияла в прелести земной
загадочной и царственной луной,
он превратил в бесправную рабыню...

Ты слышишь ли ее горчайший плач,
изгой вчерашний, нынешний палач?

И продолжаться будет так доколе?
Как бы тебе не распротиться вновь
со всем, что ты имеешь, пустослов,
переступивший снова Божью волю!..

Перевод *Р. Тамириной*

АЛЕКСАНДР БЛОК

Вечно юное сердце, божественный Блок
жил надеждой — наступит негаданный срок:
он увидит Прекрасную Даму!
Погружаясь в потоки надежд золотых,
в лунных бликах искал он загадочный лик
одержимо, упрямо!

Как недугом, надеждой своей одержим,
днем и ночью искал он свой миражи,
и терял, не найдя, и метался...
Расточительный бог восхитительных строк,
вечно юное сердце, божественный Блок,
он, и плача душой, не смирялся!

О Прекрасная Дама, души идеал,
восхищенный поэт Даме сердце отдал,
одурманенное фантомом,
и в счастливом восторге своем неземном,
трепеща, заливался над ней соловьем,
как над розой, цветущей у дома...

То надежда, то плач в соловьином саду,
и тоскует поэт, выкликая беду,
не сдаваясь судьбе на поруки.
Но однажды погаснут живые лучи,
и звенящая песня его замолчит,
не дождавшись от Дамы ни звука.

День ли был или серая ночи зола
в миг, когда от него его песня ушла,
ядовито-медовая песня...

Блок очнулся, увидел — светильник угас
и старуха с провалом глазниц вместо глаз
манит — тянет в кромешную бездну.

О Прекрасная Дама, души идеал,
ты — фантом, ты — мираж... И, сражен наповал,
Блок тоскливо и горько заплакал:
ведь допеть свою песню ему не успеть,
вместо Дамы Прекрасной — безглазая Смерть
простирает костлявые лапы.

Вечно юное сердце, божественный Блок
был живой человек, потому изнемог
в этой драме, извечно напрасной.
Жизнь угасла... И все же летит сквозь века
восхищеньем и нежностью людям близка
песня Блока о Даме Прекрасной...

Перевод *Р. Тамириной*

ЖИЗНЬ

Жизнь коротка, всего-то по чуть-чуть
нам выдал Бог, а там — не обессудь.
И вся она — с ее жарой и стужей,
с буранами — изменчива, как ртуть.

Теплом прельстит, уверит без труда,
что позади остались холода.
Но взгляд у жизни все-таки печальным
бывает чаще, светлым — иногда.

Жизнь, кроме плача, что нам принесет?
Рождение — как падение с высот
в могильный ров, где камни тело ранят,
где тем же плачем запечатан рот.

Отрадовался раб, отгоревал,
отмучился, сраженный наповал.
А если так, ответит ли Владыка,
зачем он человека создавал?!

Перевод *Л. Степановой*

СТАРЫЙ ГОРОД

О Старый город — мир сплошных чудес!
Внимательней взглядишь в его приметы —
мечети в дымке розовой рассвета
и минаретов поредевший лес.

И голоса поющих громко мулл,
взывающих с утра пораньше к Богу.

На пыльных площадях — святош убогих
звучит непрекращающийся гул:
они твердят на глиняных мазарах
молитвы поминальные слова...

А по соседству пенятся базары —
там жизнь бушует, радостно жива:
в котлах парует ароматно мясо...

А остальное ты увидишь сам,
поскольку зрячий — верь своим глазам.
Я ж умолкаю —

и без слов все ясно...

Перевод *Р. Тамариной*

ОРАЗА*

Под утро сладок сон, но есть
одно желание святое,—
успеть чего-нибудь поесть!—
что не дает тебе покоя.

Ты просыпаешься чуть свет
и вдруг срываешься с постели,
спешишь на двор, полуодет:
не рассвело ли в самом деле?!

Нет, время есть — еще вздремнуть,
нырнуть скорей под одеяло!..
Но... утру указуя путь,
Шолпан взошла и воссияла.

Звезда торопит: «Ешь скорей!»
Она назойливее мухи.
«Бери побольше, пожирней,
не то подохнешь с голодухи!»

От яств ломится щедрый стол,
но все подчистят — будь уверен!—
ведь наш желудок что котел
и безотказен, и безмерен.

Задрнуть полог — нет зари,
зари ничто не предвещает...
Лишь на столе свеча горит,
стыдливо пост наш освещает...

*Ораза — тридцатидневный пост у мусульман.

Ах, ораза! Жизнь так трудна,
и ты — не в благо, а в убыток!
Да будет проклята она —
привычка добровольных пыток!..

Перевод *К. Бакбергенова*

БОЛЕЗНЬ

Словами «лекарь» и «болеть»
не нарушайте мой покой.
Решив, что лучше жизни — смерть,
о смерти взмолятся больной.

Когда страдает только плоть,
помогут доктор, знахарь мне...
Как душу — парить и колоть?
И можно ль исцелить вполне?

Душа отравлена... Огнем
пылает грудь, но я все жив!
Зачем же тело лечат, в нем
больной души не исцелив?!..

Перевод *Т. Васильченко*

НАСТРОЕНИЕ

Не в ладах я с настроеньем,
вспыхнув, гаснет в тот же час,
и с моим разумным мнением
не согласно всякий раз.

Как младенец прихотливый,
все повелевает мной.
Настроенья бес строптивый
не проходит стороной.

И — моей любви объятья
манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
и — в слезах купаюсь я.

Сердце, чувствами пылая,
волею самих небес
увлечет, увя, не зная,
что опять вселился бес.

Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
после ночи только пепел,
только пепел без огня.

Перевод *Б. Канапьянова*

ВЕСНОЙ

«День настал! Тебе ж все спится,
озорница... Баловница!
Пробудись, ягненок мой,
сон стяхни, лицо умой!» —
так Заря будила Землю,
а Земля лежала дремля,
в блеске утренних лучей.

Вот тихонько шевельнулась,
потянулась и проснулась,
только медлит встать, шутя, —
непослушное дитя!
И, щеки ее касаясь,
мать склонилась, улыбаясь,
и целует горячей.

И, откинув одеяло,
степь под солнцем засияла,
и бежит вода, звеня,
и смеется в свете дня,
рассказать о чем-то хочет —
как ребенок, все лопочет,
разливается ручей.

Свежею водой умылась,
празднично принарядилась,
и красуется Земля,
радуясь и веселя
разнотравьем и цветами,
многоцветными шелками,
многозвучием речей.

И с нее, своей отрады,
целый день не сводит взгляда

Солнце — ласковая мать,
не устанет обнимать,
целовать и любоваться —
им теперь не расставаться
до вечерней темноты!

А у края неба тучи
шепчут, собираясь в кучи, —
сочтены, мол, наши дни,
бесприютны мы, одни,
нас никто не приласкает...
Видишь, слезы проливают
и роняют с высоты...

Перевод А. Жовтиса

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Ночь. И буран свиреп.
Мертвая, голая степь.
Заметены пути,
ни огня впереди.
Впереди — ни огня,
а я все гоню коня
через сугробы.

Ветер рычит во мгле,
жметя, как зверь, к земле,
то подползет ко мне,
то замрет в стороне,
то начнет угрожать,
и опять, и опять
воет от злобы.

Кто-то хохочет в степи,
кто-то бормочет — спи...

Ветер свистит в ушах,
то нагоняет страх,
то спасенье сулит,
шепчет слова молитв,
плачет, тоскуя...

Нет впереди дорог,
еду я, одиночек,
холодно мне... дрожу...
Еле в седле сижу.

Что это там — вдали?
В снежной густой пыли?
Не разберу я...

Мертвая, голая степь.
Ночь. И буран свиреп.
Хоть бы где огонек!
Конь совсем изнемог,
больше и я не могу —
здесь, в глубоком снегу,
верно, умру я...

Перевод А. Жовтиса

ВСЕ ГУЩЕ ЛЕС...

Все гуще, все непроходимей
березово-сосновый лес,
немыми кронами своими
дотронувшийся до небес.

Покрытый саваном, бесплотный,
он спит и видит сон такой,
что ветер, плакальщик залетный,
поет над ним заупокой.

Но лес, все так же тих и светел,
не дрогнул, продолжая спать.
И мне, похожему на ветер,
вдруг захотелось лесом стать.

Чтоб сладкий сон во тьме кромешной
струился снежной пеленой,
чтоб ветер, в горе безутешный,
и пел, и плакал надо мной.

Перевод Л. Степановой

СОДЕРЖАНИЕ

Мое желание	3
Тенгри	4
Я спешу...	5
Повсюду...	6
Темная буревая ночь	7
Эй, Сарсембай!	7
Мотылек	9
И меня ты, смерть, убаюкай!	10
«Узник, повязан жестокой тюрьмою...»	13
Гульсум-ханум	14
Луч	15
Женщина	16
Александр Блок	18
Жизнь	19
Старый город	20
Ораза	21
Болезнь	22
Настроение	23
Весной	24
Зимняя дорога	25
Все гуще лес...	26

Буклет

МАГЖАН ЖУМАБАЕВ

Стихи

Перевод на русский язык

Редактор *Р. Аросланова*

Художник *Б. Аканаяев*

Худ. редактор *Б. Серикбаев*

Технический редактор *К. Абдикаримова*

Н/К

Сдано в набор 27.05.93. Подписано в печать 2.06.93. Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. п. л. 1,17. Усл. кр.-от. 1,31. Учетн. изд. л. 1,02. Тираж 2000 экз. Заказ № 695. Цена договорная.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы»
Министерства печати и массовой информации Республики
Казахстан, 480124, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Типография Верховного Совета Республики Казахстан,
480016, г. Алматы, ул. К. Маркса, 15/1.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1952

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

- МАГЖАН ЖУМАБАЕВ
(1893—1938) — выдающийся казахский поэт. Его первая книга «Шолпан» вышла в 1912 году в Казани, последняя прижизненная — в 1928 году.

Творчество поэта оказало глубокое воздействие на его современников, но, тенденциозно истолкованное, оно послужило поводом для многочисленных репрессий. В 1938 году он был расстрелян. Более шестидесяти лет имя Магжана было под запретом. Реабилитирован в 1960 году, однако лишь в 1988 году творчество поэта стало доступно читателям.

Стихи Магжана впервые звучат на русском языке.